

Сегодня в нашей газете:

Женитьба на Покровке

Детский мюзикл Игоря Якушенко

Весь мир — театр;
мужчины, женщины
— все люди в нем актеры

Вильям Шекспир

Ложа дирекции

Синдром главного режиссера

Спесивцев Вражек. — 1997. — № 4. — С. 1-2

Валерий Фокин — фигура в современном театральном мире заметная и загадочная. Можно предположить, что его трудовая книжка не очень-то пестрит названиями театров — пятнадцать лет режиссерства в «Современнике»; с 1985 года — главный режиссер театра им. Ермоловой, который он сделал очень популярным и в котором попытался осуществить театральную реформу; далее — везде: Польша, Япония, Америка, Германия... За свои пятьдесят лет Валерий Фокин поставил около пятидесяти спектаклей. Новое появление Фокина в Москве вызвало фурор в театральных кругах: «Нумер в гостинице города NN», «Превращение», «Карамазовы и ад», «Анекдоты», «Последняя ночь последнего царя»... «Хрустальные Турандот» и «Золотые маски» доставались ему одна за другой.

Как всякий современный человек, Валерий Фокин вынужден сегодня совмещать решение вопросов театральной эстетики с чисто хозяйственной деятельностью; строительство театрального центра им. Мейерхольда, которым он руководит уже несколько лет, затягивается на неопределенный срок по вполне определенным причинам. С журналистами Фокин общается довольно охотно, но попробуйте при этом разгадать его загадки.

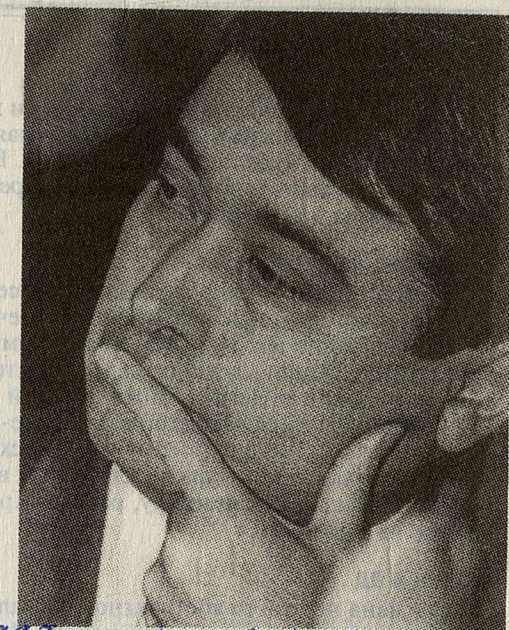
Начало

В двадцать четыре года я поставил в «Современнике» свой первый спектакль («Валентин и Валентина») и обо мне начали писать и говорить. Я сразу почувствовал вкус успеха; у меня, впрочем, нет комплекса, который бывает у тех, к кому успех приходит поздно или совсем не приходит. Мне удалось выработать свое отношение к этому сладкому и острому ощущению — крыша не должна ехать ни от успеха, ни от неудач. Самое главное — понимать, что сегодня ты есть, а завтра тебя может не быть.

О гоголевской ситуации с мейерхольдовским центром.

Вопрос со строительством Театрального центра им. Мейерхольда стал уже традиционно болезненным. Мы на семьдесят процентов построили здание на Новослободской улице; но стройка уже полгода как прекратилась. На сегодняшний день есть новый инвестор — это «Онэксим-банк», один из самых сильных и богатых банков, который будет все это достраивать. Но теперь надо подписывать новое соглашение о том, что мы меняем одного инвестора на другого. Казалось бы, какие проблемы? Ничего не меняется: ни доля города, ни наши обязательства, которые мы, кстати, давно выполнили, отселив два «аварийных» дома — восемьдесят человек. Но чтобы изменить одно название на другое, надо делать заново распоряжение мэрии, а это, в лучшем случае, три месяца. Кому-то, правда, такое делают и за один день — но к числу таких счастливицков не принадлежим. В таком недостроенном виде мы и вошли в нынешнюю зиму, а по проекту, приуроченному к 850-летию Москвы, открытие намечалось на осень. «Мерседес» предложил его финансировать — мой новый спектакль и музыкальную программу. И все стоит. В этой ситуации огорчает, конечно, наша привычная тупость, желание чиновников во что бы то ни стало не забыть себя, родимых. Ну, а то, что пропадает единственный объект культуры, который строится не на бюджетные деньги, мало кого волнует.

Так этим надо заниматься! Я по складу своему — другой человек. Я прихожу на репетицию, снимаю галстук, пиджак... Эти хождения по инстанциям меня изматывают. Не хочется, конечно, думать, что в моей судьбе окажется пророческой знаменитая фотография Мейерхольда (с которым я ни в коем случае себя не сопоставляю), где он снят на фоне строительства театра, куда приезжал каждый день и печально стоял среди подъемных кранов в надежде, что театр ему когда-нибудь закончат. Финал вы знаете.

О необходимости репертуарного театра и его неизбежных амбициях

Если бы у меня было свое помещение, я набрал бы курс, на основе которого потом возник бы театр. Потому что репертуарный театр должен существовать обязательно. Мой опыт работы в антрепризе убеждает меня, что это очень сложное занятие — всех собрать, удовлетворить амбиции каждого, да еще попытаться привести их к единому художественному тону, что невероятно сложно, как бы мы не хотели сыграть в один футбол. В этом смысле традиции русского репертуарного театра должны быть незбылимы. Но эта семья должна быть маленькой — человек двенадцать, как у Мольера. Потом неизбежно кто-то из этой группы будет заявлять свои творческие амбиции. Это, кстати, происходит сейчас у Фоменко, если вы заметили — хотя это очень живой коллектив. За границу часто приглашают и его, и мои спектакли. И когда мы бываем вместе, то очень интересно наблюдать, как ведут себя люди на завтраках за «шведским столом». Очень многое тут становится понятным. Сам Петр Наумович сидит в углу и как бы старается ничего не видеть. С утра вообще лучше свой коллектив не видеть.

О бессловесном театре

Меня всегда интересовали спектакли, где можно все рассказать не словами, а как бы между слов. Но это совсем не значит, что не нужно знать слова. Я сейчас очень активно исповедую театр, который лишен литературности, но при этом опирается на Литературу. Чтобы поставить Гоголя без слов, надо очень хорошо знать Гоголя, надо его чувствовать, быть напитанным воздухом Гоголя, атмосферой, тем, что между слов. Когда я работал в «Современнике», мне часто приходилось существовать в двух измерениях: ночью мы репетировали «Записки из подполья» Достоевского, а днем я ставил спектакли на большой сцене — я же служил в театре... И до какого-то времени все это как-то соединялось. Был период, когда я даже от музыки отказался, стараясь выстраивать спектакль по каким-то другим законам. Конечно, я не мог не отдать дань политическому театру в 1985 году, тем более, что я с восторгом принял перестройку. Но процессы, которые во мне сегодня идут, шли уже и тогда. Да и время этому способствовало. Значение слов потеряно. Период, когда на улице было интереснее, чем в театре, прошел. Жизнь человека сегодня интереснее. Нет, не было и не будет в мире проблемы важнее бессмертия. Я уже говорил, что хотел бы поставить